

«СТРАСТИ ПО ПЕРЕСТРОЙКЕ» В ПАМЯТИ И СУДЬБАХ ВЫПУСКНИКОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА КУБАНСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА 1992 И 1993 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ИНТЕРВЬЮ)¹

И. Г. Тажидинова

Тажидинова Ирина Геннадьевна, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, 350040, Россия. Эл. почта: tajidinova@yandex.ru
ORCID 0000-0002-1356-6623

Аннотация. Перестройка как поворотный момент в развитии общества, стремительный конец советской эпохи и вступление в период «постсоциализма» — вехи недавнего прошлого, требующие научного осмысления. Особенно актуально рассмотрение человеческого измерения переходного периода, т.е. социокультурных, социально-психологических процессов рубежа 1980–1990-х гг. С учетом состояния документальной базы по периоду перестройки важным источником о ней являются устные свидетельства очевидцев. В настоящей статье представлены результаты проведенного в 2018 г. социологического исследования, направленного на выявление отношения к перестройке тех, кто в позднесоветский период принадлежал к студенческой молодежи, и того, каким образом перестроечные перемены отразились на их ценностях, жизненных планах, быте. Проанализированы материалы 22 глубинных интервью, проведенных нами среди выпускников дневного отделения исторического факультета Кубанского государственного университета 1992 и 1993 гг. Перестроечные перемены имели для многих из них особое значение, поскольку вносили коррективы в профессиональные планы (как минимум, исчезала перспектива карьерного роста по партийной линии). Результаты интервью позволяют заключить, что восприятие общественных перемен студенческой молодежью имело свою динамику, но сводилось преимущественно к позиции наблюдателей. Первоначально перестройка была маркирована положительно, но позднее возникающие в ходе ее социальные проблемы породили скептические настроения. При этом, имели место демократические веяния на самом историческом факультете, расширились возможности научно-исследовательской работы. Самым тяжелым последствием перестройки называется распад СССР, тем не менее, личные воспоминания информантов о повседневности конца 1980 — начала 1990-х гг. окрашены позитивно, что объясняется оптимизмом молодости, интересной студенческой жизнью на истфаке.

Ключевые слова: перестройка, конец 1980 — начало 1990-х гг., исторический факультет КубГУ, студенты, преподаватели, декан, повседневность, профессиональное самоопределение, общественные настроения.

Введение

Поиск стратегий исследования недавнего прошлого — один из интеллектуальных трендов западной и российской социогуманитаристики. Среди предлагаемых идей — рассмотрение человеческой ситуации в новейшей истории на материале пристального анализа (close reading) локальных временных отрезков, и, надо отметить, данный подход оправдывает себя все чаще (Прохорова, 2007; Piretto, 1998). В этом ракурсе актуально обращение к уникальному опыту очевидцев тектонических исторических сдвигов эпохи перестройки, т.е. тех нескольких лет, которые уже разобраны на этапы и вехи, но все еще недостаточно изучены. Особенно назрело исследование социально-психологических эффектов перестройки, и для этого есть, как минимум, два основания. Во-первых, общественный интерес ко второй

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина» в рамках проекта «Социальная история России (1990-е годы)».

половине 1980-х – началу 1990-х гг. как поворотному этапу в развитии страны по-прежнему обострен, но далеко не удовлетворен. Во-вторых, академическим сообществом осознана проблема источниковой базы для исследования периода перестройки, поскольку политологи, социологи, историки уже столкнулись с тем, что документальный материал о нем не так богат, а порой неполон или искажен.

В этих условиях обращение к свидетелям перестройки, которые в какой-то мере являлись и участниками связанных с нею событий, представляется шагом на пути детализации и осмысления социокультурных, социально-психологических процессов, имевших место в переходный период. Предпринимая этот шаг, мы возлагали определенные надежды на то, что участники нашего опроса – историки по полученной в вузе специальности (в годы перестройки – студенты исторического факультета), а значит, кроме непосредственной включенности в события, освоения новых жизненных практик они могли параллельно рефлексировать по поводу переживаемого, или их профессиональная память сохранила особую информацию о происшедшем (Копосов, 2001). В целом же мы исходили из положения о психологической достоверности свидетельств устных источников, не менее важной, чем фактологическая достоверность (Portelli, 1991), а также из того, что частная судьба позволяет увидеть точки бифуркации, актуальные для большой, социологически значимой группы лиц.

О предпосылках и ходе перестройки, оценке ее итогов написано немало, в том числе с позиций исторического опыта минувших с того времени лет (Коэн, 2007; Пок де Фелиу, 2005; Прорыв к свободе..., 2005). В контексте нашей темы наиболее полезны исследования, связанные с анализом общественных настроений в период реформ 1985–1991 гг. Здесь стоит отметить опубликованную в 1991 г., т.е. по горячим следам, статью Л. Гудкова и Б. Дубина, где социологами уже зафиксированы такие явления, как усталость от перемен, нестабильности жизни, необходимости распорядиться пришедшей свободой (Гудков, Дубин, 1991). Начиная с 1988 г. динамику оценок и переживаний населения СССР по поводу происшедших в обществе трансформаций отслеживали опросы ВЦИОМ (Всесоюзного центра изучения общественного мнения, образованного в 1987 г.). Опираясь на данные этих масштабных опросов, А. Левинсон восстанавливал спектр настроений (преимущественно драматических), которые испытывали различные категории населения страны в изменчивой ситуации рубежа 1980–90-х гг. В частности, студенты как молодая и образованная часть населения демонстрировали наиболее высокий градус оптимизма по поводу перемен, и это отмечалось даже в 1990 и 1991 гг., когда настрой общества в целом сместился в зону скепсиса (Левинсон, 2011).

О настроениях и впечатлениях перестроечных лет (в том числе и в среде молодежи) свидетельствуют результаты проекта «Напишем историю вместе...», в ходе которого жителям одного из регионов России было предложено написать небольшое сочинение о своей повседневности в период 1985–1991 гг. (Ковалевская, 2014). По своему информативны материалы интервью с преподавателями и выпускниками вузов или отделений вузов исторического профиля, благодаря которым также появляется возможность хотя бы фрагментарной реконструкции человеческого измерения перестройки (Последнее советское..., 2011; Сборник воспоминаний..., 2016; Тажидинова, Уфимцева, 2012). Собственно, этой цели подчинено и наше исследование, проведенное методом глубинного интервью. Данное исследование было направлено на выявление отношения к перестройке тех, кто в позднесоветский период принадлежал к студенческой молодежи, а также влияния перестроечных

перемен на их ценности, жизненные планы, повседневность. Интервью строились как биографические и одновременно экспертные; наши собеседники описывали и оценивали перемены, происшедшие в период перестройки и далее в 1990-е гг. в разных сферах жизни общества, наложившие отпечаток на их судьбы. Приступая к исследованию, мы отталкивались от гипотезы, что восприятие перестроечных перемен студентами дневного отделения исторического факультета Кубанского госуниверситета (выпуски 1992 и 1993 гг.) имело свою динамику, но отличалось поверхностностью, вследствие чего соответствующие общественным трансформациям коррективы в индивидуальные профессиональные и жизненные стратегии вносились молодыми людьми с запозданием, а последствия перестройки переживались и переживаются до сих пор достаточно драматично.

Студенты исторического факультета КубГУ и реалии перестройки

Знакомство с личными делами выпускников дневного отделения исторического факультета Кубанского госуниверситета 1992 и 1993 гг. (123 дела, находящихся на хранении в архиве КубГУ) и серия проведенных с выпускниками интервью (22 в течение 2018 г.), позволяют заключить, что перестроечные реалии особым образом воздействовали на жизненные траектории многих из них. Начиная свое исследование, мы исходили из предположения, что, поступив во второй половине 1980-х гг. на престижный факультет лучшего вуза Кубани, эти юноши и девушки в большинстве своем претендовали на достаточно высокие стартовые позиции после его окончания. Будучи идеологическим факультетом и к тому же при отсутствии на тот момент в структуре университетского образования факультетов управления, истфак потенциально открывал перспективы занятия руководящих должностей (главным образом в партийной номенклатуре) и, соответственно, достойной по меркам советского времени материальной обеспеченности. Однако именно такие ожидания в итоге оказались перечеркнуты перестройкой.

Действительно, по результатам проведенных интервью выяснилось, что у значительной части поступивших на дневное отделение истфака КубГУ в 1987 и 1988 гг. (а это те, кто завершит обучение в 1992 и 1993 гг.) ориентации на карьерный, в первую очередь номенклатурный, рост были выражены в той или иной степени. Так, практически все наши собеседники подтвердили свою хорошую осведомленность о престижности исторического факультета (помнят, к примеру, что конкурс на юридический факультет был ниже) и о том, какие именно горизонты диплом истфака открывал. Треть информантов без лишнего смущения заявили, что поступали из соображений продвижения по партийной лестнице; некоторых на этот счет проинструктировали родители, других подтолкнуло военно-политическое начальство во время службы в армии. Что касается комсомольских активистов, к середине 1980-х гг. уже массово торивших дорогу на истфак, то их влекли туда не только карьерные амбиции, а зачастую искреннее желание продолжать самореализацию в сфере общественной работы, организовывать будни и праздники советской молодежи, своих же друзей и товарищей (Тажидинова, 2018). В любом случае вытекавший из комсомольского активизма шанс на дальнейшее приложение своих сил именно в руководящих эшелонах КПСС был логичен и подтвержден множеством конкретных примеров. Сказанное, разумеется, не означает, что на истфак не попадали ребята, мечтавшие стать школьными учителями или археологами. Таких тоже было немало, однако «не большинство», на чем настаивают наши информанты. Кроме того, важно, что увлеченность историей, любовь к ней со школьной скамьи,

и особенно в студенческие годы, подтвердили почти все опрошенные выпускники, независимо от карьерных установок или отсутствия таковых при поступлении.

Для начала нам предстоит разобраться в вопросе, как именно маркирована перестройка в памяти наших информантов, большую часть этого периода находившихся в статусе студентов (основная масса выпускников 1992 и 1993 гг. — это рожденные в 1969, 1970 и 1971 гг.). А именно: в каких сферах они заметили перемены в первую очередь, какова была валентность эмоций по поводу тех или иных явлений, к каким действиям трансформации побуждали? Особенно важно выяснить реакцию тогдашних студентов истфака на падение престижа выбранной специальности, разрушение карьерных перспектив (если таковые имели место), так как от характера и скорости этой реакции напрямую зависело профессиональное самоопределение после окончания университета.

Что касается общей оценки перемен, то она в большинстве случаев на момент проведения политики перестройки помнится информантам как позитивная. Во-первых, привлекала неизмеримо возросшая по сравнению с предыдущими периодами советской истории степень свободы. Во-вторых, в обществе чувствовался большой интерес к истории. Это отозвалось введением в научный оборот новых исторических источников, возможностью исследовать новые, ранее запретные либо замалчиваемые темы (некоторые из наших респондентов разрабатывали их в курсовых и дипломных работах).

Д.И., которая была дочерью партийного работника краевого уровня, воспринимала общественно-политические новации с любопытством: «*“Надо же, как интересно...”*», — *вот так я реагировала*. Поскольку папина опека вселяла уверенность в завтрашнем дне (правда, в номенклатуру девушка не стремилась, а подумывала о работе в музее), то последствия перемен на свою жизнь она не проецировала. Тем не менее избегать вторжения этих последствий в частную сферу не удавалось, о чем свидетельствует приведенный нашей собеседницей пример: «*1988 год. Папа отправил меня отдыхать в Крым. Это был какой-то дом отдыха. Там я это на себе испытала. Помню, что был жуткий интерес к истории со стороны вообще большинства населения. И когда кто-то узнавал со стороны, что я учусь на истфаке, то это даже иногда была агрессия. Что как будто во всех каких-то бедах страны виноваты мы... Это был какой-то ужас. Что могла я им ответить после 1-го курса?! В глубинных процессах исторических я еще не разбиралась. Я чувствовала вот этот негатив*» (Интервью 10).

О реакции удивления по поводу перестроечных перемен свидетельствует и другой выпускник — выходец из семьи политработника. Отец Т.А. возглавлял Институт марксизма-ленинизма в Краснодаре и, следовательно, «*конспектировал все съезды*», «*многое через себя пропускал*». Поэтому дома в связи с перестройкой, по воспоминаниям Т.А., сложилась «непростая» обстановка: «*Потому что рушились очень многие устоявшиеся каноны, нормы. Неизвестность вся эта...*» (Интервью 17).

Вообще сложности переживания перестройки старшим поколением своих семей упомянули многие наши собеседники. М.О. помнит, как это происходило с ее отцом — главным инженером одного из кубанских совхозов: «*...Он начал снижать, и я видела его реакцию на происходящее. Негативную реакцию. Я видела его опасения. Он делал такие прогнозы, которые, как он говорил, все это, к сожалению, было осуществлено. Замечала именно по папе. Потому что папа был достаточно умным человеком. Видела, что ему больно. Так как [происходили] какие-то вещи, которые не соотносились с понятием “справедливость”, “социальное общество”. И как он резко на это реагировал. Я прожи-*

вала вместе с ним это. Не так как он, потому что моего возраста не хватало [чтобы понять]. Кроме того, молодость, юность, вот это опьянение свободой...» (Интервью 13).

Для Г.Т. одним из знаков перестроечного времени стали заседания съездов или конференций, которые теперь выглядели «неформально», вплоть до «непарламентских выражений» и анекдотичного поведения их участников, над которым вместе с отцом «смеялись, рыдая» у телевизора. Другой чертой времени для Г.Т., чья мать работала в торговле, остался вид пустых полок в магазинах, и то, что обычные практики обмена товарами между продавцами различных торговых точек давали сбой, так как обмениваться стало практически нечем (Интервью 18).

Из положительного в повседневной жизни К.Д. особенно запомнил изменения в содержании телевидения и появление видеофильмов: «Поздний Советский Союз, он очень интересен. Потому что начало все по чуть-чуть, дозировано [появляться]. По телевизору там каждый день “Взгляды” эти все... Тут же и музыка пошла, тут же пошли первые видеоклипы (Билли Джоэл, Майкл Джексон), фильмы. И все это народ впитывал. Для меня открылся Голливуд» (Интервью 16).

Тенденции демократизации на историческом факультете

Интересно, как в связи с перестройкой менялось течение жизни на самом историческом факультете, в студенческой и преподавательской среде. К.Д. вспоминает, что впервые столкнулся с проявлениями перестройки в колхозе, куда первокурсников направили собирать яблоки осенью 1988 г. К студентам обратился сопровождавший их преподаватель кафедры педагогики, который провозгласил в духе времени, что «мы ждем перемен», и в данном случае они будут заключаться в полном самоуправлении. Действительно, из состава первокурсников выбрали комсорга, коменданта и начальника лагеря, а курировать самоуправление прислали старшекурсников. Все это, как помнит К.Д., принималось студенческой молодежью с восторгом (Интервью 16).

Ш.Г. особенно отчетливо помнит неформальное восприятие студентами истфака июньской конференции ЦК КПСС 1988 г.: «Мы жили в общежитии, и крыло у нас было чисто историческое, и было удивительно... и это был действительно глоток свободы... когда шли прямые трансляции и, как правило, в каждой комнате были открыты двери, и в каждой комнате у историков звучали вот эти заседания партийной конференции. <...> Я поняла, что что-то меняется, когда был “открытый микрофон” в зале заседания этой конференции, и то, что мы все это слушали. Мы это все обсуждали, несмотря на то, что была сессия. Абсолютно другие экзамены, «Древний мир» мы сдавали. Но мы обсуждали то, что происходит в стране» (Интервью 14).

Ш.Г. утверждает, что все перемены оценивала тогда однозначно положительно, а особенно возможность работать с рассекреченными документами. На уровне курсовых работ в течение трех лет она продвигалась к написанию прежде невозможной темы дипломного проекта «Творческая деятельность советских политзаключенных в 1930-х — первой половине 1940-х гг.» (встречалась с репрессированными, записывала их воспоминания), планировала кандидатскую диссертацию по этой проблематике. Похоже, в случае Ш.Г. произошла не вполне осознанная ею самой (но позитивная с точки зрения изменения внешних условий) переориентация с партийной карьеры на научную. Дело в том, что девушка из кубанской глубинки поступала на истфак в 1987 г. с амбициозной целью подниматься вверх по номенклатурной лестнице, однако к 1992 г., когда она заканчивала университет, от этого стремления не оста-

лось и следа, и не только по объективной причине отсутствия искомой лестницы, но главным образом из-за увлеченности Ш.Г. научными исследованиями.

В.О. вспоминает, что в период перестройки «резких изменений» в жизни страны не замечал (за исключением распада Советского Союза в 1991 г.), хотя иногда над происходящим «задумывался». Считает, что лично его затронуло только решение I Съезда народных депутатов (1989 г.) о досрочной демобилизации студентов, потому что служить в армии ему довелось немногим больше года вместо двух лет (Интервью 15). Об этом опыте досрочного возвращения из армии либо о том, что была получена отсрочка от армии (поступившим в 1988 г.), вспомнили почти все наши информанты-мужчины, причем без огорчения.

Ц.А., напротив, припоминает свое восприятие перестройки как негативное. До поры до времени перестройка, по его словам, «была в телевизоре», но непосредственно «коснулась [истфака], когда начали забирать преподавателей воевать в Карабах. <...> Был митинг, после которого всех резервистов вернули домой в Краснодар. Я участвовал. Это же не было дебошем, не было никакого Майдана. Это просто... Там много было женщин, которые не пускали своих мужей на эту войну, потому что это было начало гражданской войны. Нас это никого не устраивало, и, естественно, мы начали протестовать. Но тогда уже дух, ну не свободы, дух протеста витал в воздухе. Уже люди начали возмущаться. И я думаю, что отсутствие колбасы в магазине — это не главный был толчок. А людей возмущала какая-то глупость власти. И Горбачева, которого я смотрел по телевизору» (Интервью 7).

Свой негативный отклик на отдельные явления перестройки вспомнила и С.Т. Лично ее поразили невыплаты зарплат, о которых регулярно сообщалось в новостях: «Потому что когда я смотрела телевизор: шахтеры касками тарбанили на Красной площади, на этом Горбатом мосту. Для меня это было... Ну как так?! Такой тяжелый труд. Чем же им кормиться, если это только шахтер. Там больше негде работать, ну как так? Вот это меня даже не то чтобы возмущало, я была шокирована. Я никак не понимала, почему так происходит» (Интервью 3).

Т.А., выпускник истфака 1993 г., в настоящее время практикующий частным образом как психолог, объясняет, что в тот момент у его сверстников происходило совпадение психологического возраста («максимализма 20 лет») и изменений в стране, т.е. «они наложились друг на друга». Отсюда у части студентов возникло настроение, которое выражалось так: «Мы живем в новом [обществе], теперь мы можем по-другому». Этот настрой воплощался в конкретных действиях. Например, Т.А. (и не только он) вспомнил историю, когда группа студентов пришла к тогдашнему декану исторического факультета Петру Яковлевичу Угриновичу и озвучила свое нежелание участвовать в первомайской демонстрации, что, разумеется, трудно вообразить в доперестроечный период. Т.А. поведал о том, как характерно (можно сказать, в духе времени) завершилась эта история: «Угринович к нам пришел и обратился с просьбой к курсу. Он объяснил: “Ну, вы же понимаете ситуацию, от меня требуют, чтобы были люди. И, соответственно, я требую от вас. Поэтому у меня к вам просьба. Пожалуйста, приходите. Да, пускай вы не верите в это...” Просьба Петра Яковлевича была гораздо важнее, нежели давление партийных структур по поводу того, пойдём мы или нет. Когда он сказал, что “меня накажут”, мы сказали: “Ну, чтобы вас не наказали, мы придем... Ну, пиво мы сможем с собой взять?” Он говорит: “Однозначно, берите»» (Интервью 17).

Вообще имя Петра Яковлевича Угриновича, на должности декана истфака КубГУ (1978–1992 гг.) завершавшего свое продвижение по партийной лестнице, в наших

интервью возникало неоднократно и не случайно. Судя по тем историям, которыми поделились выпускники, декану, отличавшемуся демократизмом, было небезразлично мнение молодежи относительно перестроечных трансформаций в партии и стране. В этом смысле внимания заслуживает рассказ Г.Т. о том, как однажды в аудитории, где Угринович проводил лекцию по «Истории КПСС» для студентов вечернего отделения, погасло электричество. Но декан продолжил пару в темноте необычным образом. *«Угринович, он же такой, очень заводной товарищ был, — вспоминает Г.Т. — И он давай провокационные вопросы задавать, а темно же, не видно, кто отвечает, кто говорит... Поэтому такой хороший разговор, [хотя] ничего как бы такого не политкорректного не было. Какие вопросы? Ну, вы считаете ли правильным, что вот сейчас какие перемены грядут? Или надо было все-таки сохранить все? Ну, вот такого рода вопросы. Как вы относитесь..? Тогда же был 1987 год»* (Интервью 18). По твердому убеждению выпускницы Угринович использовал ситуацию для более-менее откровенного разговора со студентами, недопустимого при свете дня, и в этом проявилась его «неортодоксальность».

При этом ряд выпускников отметили собственное равнодушие к общественным переменам. К.Н. утверждает, что не замечала их вообще, точнее, они перекрывались *«занятиями, общагой, какими-то своими личными [делами], влюбленностями, эмоциональными порывами»*. Сегодня она вспоминает об этой индифферентности с усмешкой: *«Я как абсолютно нормальный человек что-то для себя фиксировала, какие-то отдельные факты, но сказать, что они как-то влияли на меня — вообще нет! То есть они прошли мимо окон, скажу честно. Хотя я училась на истфаке»* (Интервью 12).

Н.И., в студенческие годы чрезвычайно активная в общественных, в том числе комсомольских, делах, также подтвердила, что к перестроечным переменам *«никак не относилась»* (Интервью 11). Это равнодушие она объясняет как захватившим ее водоворотом веселой студенческой жизни (*«Нам сильно не до этого было»*), так и ранним замужеством (в конце 1-го курса, в 1989 г.). Кроме того, семья Н.И. *«никоим образом не была связана с номенклатурой»* (родители — беспартийные), поэтому информация о реформах, исходивших из верхов КПСС, дома почти не обсуждалась. В любом случае никаких особых политических дискуссий по поводу происходившего в стране среди истфаковцев Н.И. припомнить не может, за исключением разве что *«войны»* двух карьерно-ориентированных лидеров за пост факультетского секретаря комитета комсомола.

Зато благодаря интервью с Н.И. мы располагаем ценным наблюдением студентки за реакцией преподавателей исторического факультета Кубанского госуниверситета на ход перестройки. *«Вся вот эта ситуация в стране — она была таким неким на нашем факультете спектаклем из преподавателей, — рассказывает Н.И. — Потому что на глазах у нас доцент Громов из простого парня пашковского превратился... в атамана Всекубанского казачьего войска [в 1990 г.]... пришел на 3-м курсе в папахе, в бурке, бросил все, и начал уже как атаман с нами разговаривать... не в плане хамства... а был обыкновенным, а тут... Я помню очень хорошо, как вышел из партии Ждановский, вышел из партии Смертин. А Павловский, наоборот, вошел в партию. Они же очень хорошие друзья были. И Смертин, и Павловский. И есть, и всегда будут. Но как они спорили, и очень при этом друг друга уважали. Потому что они, когда приходили на лекции, то первым делом они выплескивали все то, что у них там на душе. Я просто помню, насколько это было интересно. Но я не помню сути, что они говорили. Ну, понятно, что суть примерно ясна»* (Интервью 11).

Динамика восприятия перестроечных перемен и их последствий

Для части наших собеседников ощутим водораздел в собственном восприятии начала перестройки и ее неожиданных последствий вплоть до бесславного финиша. Б.В. прошел в связи с этим несколько этапов, и первым из них был «интерес и подъем»: «Я читал газету “Московские новости”, там в колхозе прямо обсуждали между собой. Вот эта статья Пола Саймона “Три [грядущих] кризиса Михаила Горбачева” в 1987 году — я прям хорошо ее помню. <...> Перестройка не воспринималась как крушение чего-то. Наоборот, воспринималась как что-то положительное, открытие. Потом вот эта вот борьба с пьянством, алкоголизмом. Многие старшие потешались над этим, но вот я-то знал (я же в рабочем районе жил), где и кто выпивает и прочее. И я, действительно, был убежден, что вот такая мера необходима. Мы привыкли свято верить в то, что говорит Пленум ЦК КПСС. И когда я уходил в армию, тоже у меня не было ощущения [несогласия с перестройкой]». Такое ощущение пришло к Б.В., в чьей семье были «военные традиции», спустя полгода службы в армии, когда он увидел разложение этих традиций и то, что «старшие товарищи, офицеры называли развалом армии», а командировка в Среднюю Азию только усилила тревогу. Б.В. продолжает: «И это все почему-то у меня сложилось, что вот эти вот явления все, они вылезли как будто из-за перестройки. То есть... она послужила причиной этих явлений. Хотя потом я понял, что нет. Это просто вскрылось» (Интервью 2).

Несмотря на возникающие сомнения, в армии Б.В. стал кандидатом в члены КПСС (не без давления со стороны непосредственных командиров), а по возвращении на учебу возглавил комсомольскую организацию факультета. И вот тогда, на рубеже 1980–1990-х гг. перемены стали казаться ему «слишком резкими», что, например, заметно отразилось на районе его проживания (тесно связанном с деятельностью крупного предприятия Краснодара — завода радиоизмерительных приборов) и жизни собственной семьи (отец информанта занимал должность заместителя Генерального директора завода РИП). Б.В., который с 1990 г. стал подрабатывать на заводе испытателем радиоаппаратуры, помнит, как начались сокращения работников завода, распродажа ценных металлов («валом (лопатой) грузили детали, содержащие драгметаллы») и сдача в аренду заводских помещений. И хотя семья замдиректора завода РИП не бедствовала, а даже получила «чуть-чуть больше материальных возможностей» (к примеру, знаковым событием стало приобретение видеомагнитофона в 1989 г.), но ощущение подъема, с которым первоначально была принята перестройка, стремительно улетучивалось (Интервью 2).

Хотя таких и меньшинство, но некоторые запомнили перестройку в первую очередь как ухудшение собственной житейской ситуации. П.В., приехавшая учиться в Краснодар из станицы, говорит о нараставшем в тот период беспокойстве: «Поскольку жила я в общежитии, заботы о том, как и что я покушаю, они ложились на меня саму. Поэтому то, что я видела на прилавках магазинов... а видела я там все меньше и меньше продуктов... и необходимость добывать себе еду в длинных очередях, каким-то образом менять талоны, которые нам выдавались в профкоме на еду в столовой университетской, т.е. это все пугало, это все настораживало». Размышления на бытовые темы приводили к более серьезным выводам: «То есть было ощущение некоего внутреннего... не скажу испуга, но какая-то трещина пошла. Потому что если раньше я четко понимала, что в ближайшие лет 50 у меня все понятно в моей жизни, и вот те небольшие денежки, которые у меня [будут], я понимала, на что они, и для меня было понятно, что я буду делать после окончания, я точно понимала, что я буду

трудоустроена, что у меня будет свое жилье, и как, собственно, будет происходить моя жизнь. Это работа, это отпуск, когда я буду куда-то уезжать. Это моя общественная жизнь, помимо профессиональной непосредственной деятельности. Это будет востребованность какая-то. То есть я точно понимала, что это будет...» (Интервью 1).

Ближе к финалу перестройки студентам-историкам все сложнее было уклоняться от понимания того, что данный процесс напрямую отразится на их карьерных планах (а такие, как мы выяснили, имелись у многих). Смягчающими этот удар обстоятельствами, судя по всему, были оптимизм, свойственный молодежи, и активное построение личной жизни, в которое обычно погружены 20-летние юноши и девушки. С.Т. рассказывает об этом так: *«Когда стало понятно, что Коммунистическая партия потеряла свой, скажем так, удельный вес в обществе, весомый. Когда стало понятно, что коммунистом быть не то чтобы не престижно, а уже даже в некоторых моментах и некрасиво. То есть вот этот переломный момент, он, может быть, на меня какое-то впечатление негативное бы и произвел. Но дело все в том, что это молодость, что это первые, скажем так, отношения близкие. И я попала в такое вот положение, когда об этом я даже не задумывалась»* (Интервью 3).

П.С. поделился уверенностью, что какого-то более-менее синхронного понимания воздействия общественно-политических перемен на собственную судьбу у его однокурсников не было и быть не могло. Объяснил так: *«Не понял. Потому что мы не знали ничего другого. Если тебе кто-то скажет, что понимали, куда мы идем — вранье. Не понимал никто это. Понимаешь, мы попали в тот период, когда было что-то, был у нас Бог, скажем так, в виде партии. Когда, извини меня, все учили цитаты этих звезд, которые я знал наизусть. И когда появляется новый Бог... деньги... мы не знали, как молиться этому Богу. У нас и получилось, что мы заканчиваем [университет] в 1992 г., и я думаю: “Да ладно, все еще наладится”»* (Интервью 8). Как верно заметил Ц.А., для большинства *«начало все по швам трещать, [только] когда рухнул Советский Союз»,* и в 1992 году он и его однокурсники *«получили дипломы еще с гербом несуществующей страны... советские дипломы»* [Интервью 7].

Здесь уместно рассмотреть рассуждения информантов об итогах перестроечного времени, причем высказались они об этом не в политическом или экономическом разрезе, а преимущественно в человеческом. В главном их мнение не отличается от преобладающего в массовой памяти в настоящее время, поскольку тоже сфокусировано на «развале СССР» (Левинсон, 2011; Raviot, 2016). «Развал страны» как трагическая, осязаемая до сих пор потеря, — это то, что практически половина наших информантов считает прямым следствием перестройки, причем все-таки неожиданным. Между тем в этом моменте результаты наших интервью расходятся с основным выводом книги А. Юрчака «Все было навечно, пока не кончилось. Последнее советское поколение» о том, что, несмотря на восприятие большинством советских людей советской системы как вечной и неизменной, они в принципе были всегда готовы к ее распаду (Yurchak, 2006). Здесь стоит вспомнить, что ранее Стивен Коткин обратил внимание на то, что глубокую драму распада СССР в 1991 г. в свое время оценили отнюдь не так, как она того заслуживала. Более того, будучи «продуктом советской действительности, Россия унаследовала от Советского Союза все, что стало причиной его распада, равно как и само состояние распада» (Kotkin, 2001).

Среди потерь, которые были понесены населением страны и непосредственно нашими информантами, начиная с перестроечных лет, называются: стабильность, уверенность в завтрашнем дне, наполненность жизни, гордость за свою страну. Но-

стальгически высказалась об этом П.В.: «*Меня жутко интересовали все происходящие события в мире, в нашей стране. Я была активна социально. Это тоже наполняло. Гармонично. Моя востребованность как человека, у которого есть какие-то знания, который ими может поделиться, который может быть полезен людям... Мир крутился вокруг. И я четко понимала, где я в этом мире. И все было на своих местах. Моя мечта была со школы — это объехать все 15 республик. Потому что это “15 сестер”. И для меня таджик, узбек, грузин, белорус — это было все родное, мое. И мне от этого так классно было. От того, что я живу на просторах этой огромной страны. Кожей я чувствовала, что я та самая девочка, которая живет в Этой Большой Стране. У меня оно было... И для меня это, конечно, большая потеря. Статус страны, статус человека советского. Это же то, с чем я росла и жила» (Интервью 1).*

Этим словам вторит Ш.Г., останавливаясь на идентичных болевых моментах. Во-первых, на том, что сегодня ей лично крайне не хватает статуса страны, который та имела в мире до 1990-х гг. Во-вторых, на том, что в эпоху перемен был нанесен удар по востребованности человека, что повлекло и влечет за собой неизмеримые потери. Ш.Г. рассуждает: «*Вот нет [сейчас] идеологии, которая [тогда] заставляла человека чувствовать себя нужным. Мы поступали в вуз в 1987 году — мы знали, что мы нужны своей стране. Я могла распланировать, что я в 1992 закончу университет высококлассным специалистом, меня распределят, я смогу иметь квартиру. То есть я нужна. И оказалось, что мы никому не нужны»* (Интервью 14). В данном случае перед нами совпадающие человеческие (не экспертные) оценки успеха проведенных в стране на рубеже 1980–1990-х гг. реформ, которые, между прочим, даны крупным менеджером в сфере ресторанного бизнеса из столицы Кубани и учителем гимназии с многолетним стажем из провинциального кубанского города. Совпадение представляется симптоматичным, и не исключено, что подобное тождество взглядов представителей разных социальных и профессиональных групп, по которым распределались к настоящему времени выпускники истфака 1992 и 1993 гг., возникнет в последующих интервью, запланированных на ближайшие годы.

Заключение

Подводя итоги, следует констатировать, что доминирующей позицией наших собеседников в перестройку стало наблюдение. На вопрос, сопровождалось ли оно пониманием, что перестройка способна как-то изменить личный путь, большинство ответило отрицательно. Это большинство воспринимало перестройку как «*ветер перемен*» для страны, а не как нечто судьбоносное для конкретного советского человека (Интервью 17). Проницательности студентов-историков странным образом мешала своего рода профессиональная деформация, что доказывает следующая цитата: «*Я видела происходящее в стране как материал исторический. И воспринимала это как объективную действительность. И что от этого, вроде, никуда не уйти»* (Интервью 11). Также сказывалась специфика взгляда из провинции, когда перестройка представлялась хроникой «*из телевизора*», весьма посторонней повседневной жизни жителей Кубани (Интервью 6; Интервью 7). Однако самым мощным фактором, оттянувшим отрезвление, стала молодость наших информантов, захватывающе интересная атмосфера учебы и досуга на истфаке. В подтверждение — пассаж из интервью В.О.: «*Когда путч был, то я в лагере был пионервожатым или спасателем, практику проходили. В лагере было намного веселее, чем думать о путче»* (Интервью 15). Кроме того, некоторые уже в студенческие годы создали семьи, и для них общественное заслонило личным насущным.

В самом скором времени последствия перестройки и рыночные реформы внесли серьезные коррективы в профессиональные и жизненные планы выпускников исторического факультета КубГУ 1992 и 1993 гг. Свои профессиональные траектории они формировали уже в новых социально-экономических условиях, под их непосредственным влиянием. Результаты исследования социальной мобильности наших информантов в 1990-е гг. будут опубликованы нами в дальнейшем, а что касается человеческого измерения перестройки, которому, собственно, и посвящена настоящая статья, то одна из проблем данного периода реформ кроется как раз в отношении к перестроечным переменам молодежи. Сложно не согласиться с М.М. Мухамеджановым, что судьба перестройки, которая проводилась под руководством старшего поколения в лице КПСС и органов советской власти, самым серьезным образом зависела от позиции молодежи (Мухамеджанов, 2008). Но дело в том, что именно перестройка обнажила подспудно протекавший в советском обществе конфликт поколений, дошедший до глобального разрыва (Ильинский, 2001). В итоге при положительном в целом отношении к перестроечным свободам молодые люди испытывали к перестройке своего рода недоверие, граничившее с отрешенностью.

Источники

- Интервью 1. Респондент: П. В., женщина, 1968 г.р., выпуск истфака 1992 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 15 апреля 2018 г.
- Интервью 2. Респондент: Б. В., мужчина, 1970 г.р., выпуск истфака 1993 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 22 апреля 2018 г.
- Интервью 3. Респондент: С. Т., женщина, 1969 г.р., выпуск истфака 1992 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 8 мая 2018 г.
- Интервью 6. Респондент: С. И., мужчина, 1966 г.р., выпуск истфака 1992 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 4 июня 2018 г.
- Интервью 7. Респондент: Ц. А., мужчина, 1967 г.р., выпуск истфака 1992 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 5 июня 2018 г.
- Интервью 8. Респондент: П. С., мужчина, 1966 г.р., выпуск истфака 1992 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 12 июня 2018 г.
- Интервью 10. Респондент: Д. И., женщина, 1969 г.р., выпуск истфака 1992 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 5 июля 2018 г.
- Интервью 11. Респондент: Н. И., женщина, 1969 г.р., выпуск истфака 1993 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 6 июля 2018 г.
- Интервью 12. Респондент: К. Н., женщина, 1970 г.р., выпуск истфака 1993 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 12 июля 2018 г.
- Интервью 13. Респондент: М. О., женщина, 1969 г.р., выпуск истфака 1992 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 17 июля 2018 г.
- Интервью 14. Респондент: Ш. Г., женщина, 1970 г.р., выпуск истфака 1992 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 25 июля 2018 г.
- Интервью 15. Респондент: В. О., мужчина, 1969 г.р., выпуск истфака 1993 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 6 августа 2018 г.
- Интервью 16. Респондент: К. Д., мужчина, 1971 г.р., выпуск истфака 1993 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 1 ноября 2018 г.
- Интервью 17. Респондент: Т. А., мужчина, 1969 г.р., выпуск истфака 1993 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 5 ноября 2018 г.

Интервью 18. Респондент: Г. Т., женщина, 1970 г.р., выпуск истфака 1993 г. Интервьюер: И.Г. Тажидинова. Запись 1 декабря 2018 г.

Библиографический список

- Вебер, А. Б. (2005) (ред.). *Прорыв к свободе: о перестройке двадцать лет спустя (критический анализ): Сборник статей*. М.: Альпина Бизнес Букс.
- Гудков, Л. Д., Дубин, Б. В. (1991). Уже устали? Социологические заметки о литературе и обществе. *Литературное обозрение*, 10, 97–99.
- Ильинский, И. М. (2001). *Молодежь и молодежная политика*. М.: Голос.
- Ковалевская, Ю. Н. (2014). Перестройка в обыденном сознании дальневосточников: тридцать лет спустя. *Россия и АТР*, 1, 66–79.
- Копосов, Н. Е. (2001). *Как думают историки*. М.: Новое литературное обозрение.
- Коэн, С. (2007). «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? М.: АИРО-XXI.
- Левинсон, А. Г. (2011). 1990-е и 1990-й: социологические материалы. В *1990-й: опыт изучения недавней истории: Сборник статей и материалов*. (с. 489–503). М.: Новое литературное обозрение.
- Мухамеджанов, М. М. (2008). *Комсомол: последние десять лет (1981–1991)*. Режим доступа http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Mukhamedzhanov_Komsomol
- Пок де Фелиу, Р. (2005). *Эпоха перемен: Россия глазами испанского журналиста*. М.: Время.
- Последнее советское поколение в жизнеописаниях его представителей. Юрий Бесчастный* (2011). Краснодар: Кубанькино.
- Прохорова, И. Д. (2007). Недавнее прошлое как вызов историку. *Новое литературное обозрение*, 83, 7–10.
- Сборник воспоминаний, составленный А. Ю. Клименко на основе интервью, взятых ею у выпускников и преподавателей Историко-Архивного института*. (2018). Режим доступа <https://www.rsuh.ru/iai/about/genius/memories-of-institute-of-history-and-archives/>
- Тажидинова, И. Г. (2016). Карьера или призвание: зачем комсомольские активисты второй половины 1980-х гг. поступали на истфак? В *Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия*. Сборник статей 34 Адлерских чтений. (214–225). Краснодар: Традиция.
- Тажидинова, И. Г., Уфимцева, Ю. А. (2012). Проблемы профессионального самоопределения вузовского преподавателя (на материалах интервью с преподавателями ФИСМО). *Голос минувшего*, 1, 58–70.
- Kotkin, S. (2001). *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000*. Oxford.
- Piretto, G.-P. (1998). *1961: il sessantotto a Mosca*. Bergamo: Moretti & Vitali.
- Portelli, A. (1991). *The Death of Luigi Trastulli and Other Stories: Form and Meaning in Oral History*. Albany, NY.
- Raviot, J.-R. (2016). *La civilisation soviétique, de l'URSS à la Russie, de 1917 à nos jours*. Paris: Editeur: Ellipses Marketing.
- Sokoloff, G. (2003) *Metamorphose de la Russie, 1984–2004*. Paris: Editeur: Fayard.
- Yurchak, A. (2006). *Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation*. Princeton, N.J.

Статья поступила в редакцию 05.11.2018
Статья принята к публикации 19.12.2018

Для цитирования: Тажидинова И.Г. «Страсти по перестройке» в памяти и судьбах выпускников исторического факультета Кубанского госуниверситета 1992 и 1993 гг. (на материалах интервью). — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 1. С. 123–136.

“THE PERESTROIKA PASSION” IN THE MEMORIES AND FATES OF THE DEPARTMENT OF HISTORY GRADUATES (THE CLASSES OF 1992 AND 1993) AT KUBAN STATE UNIVERSITY, BASED ON THEIR INTERVIEWS

I. G. Tazhidinova

Irina G. Tazhidinova, Kuban State University, Stavropolskaya Str., 149, Krasnodar, 350040, Russia. E mail: tajidinova@yandex.ru.
ORCID 0000-0002-1356-6623

Acknowledgements. This article is a result of the study supported by the Boris Yeltsin Presidential Center Foundation within the framework of the project ‘The Social History of Russia (1990s)

Abstract. Perestroika as a watershed in the development of Soviet society, as well as the collapse of the Soviet Union and entering the “post-socialism” period, are the milestones of the recent past that need a scientific reflection. It is especially important to consider the “human dimension” of the transition period, that is, the socio-cultural and socio-psychological processes at the turn of the 1980s – 1990s. If we take into account the poor state of the document database for the period of Perestroika, the oral testimony of eyewitnesses is an important source of knowledge about it. The research contains the results of the sociological survey carried out in 2018 and aimed at identifying the younger generation of Soviet people’s attitude towards Perestroika. Besides, the interviewees were asked in what way the changes had affected their values and life prospects, and their way of life. We have analyzed 22 in-depth interviews of the full-time Historical Department graduates’ (the classes of 1992 and 1993) at Kuban State University. For many of the graduates, changes brought about by Perestroika were of particular significance, since they amended their professional growth plans (at the very least, their career development as party members collapsed). The results of the research allow us to conclude that the student youth’s perception of social changes had its dynamics but mainly came down to passive observation. At its first stages, Perestroika was perceived with enthusiasm, yet social problems on its way gave rise to skepticism. On the other hand, democratic trends at the Department of History itself have improved the scope of research work. According to the interviewees, the worst aftereffect of Perestroika was the collapse of the USSR. Yet, their personal recollections concerning daily routine in the late 1980s – early 1990s are positive, which is due to young age optimism and diverse student life at the Department.

Keywords: perestroika, late 1980s-early 1990s, Department of History at KubSU, students, lectures, the Dean, daily routine, vocational self-determination, public sentiment.

DOI: 10.31429/26190567-20-1-123-136

References

- Gudkov, L. D., Dubin, B. V. (1991). Uzhe ustali? Sociologicheskie zametki o literature i obshchestve. [Already tired? Sociological Notes on Literature and Society]. *Literaturnoe obozrenie* [Russian Studies in Literature], 10, 97–99.
- Il’inskij, I. M. (2001). *Molodezh’ i molodezhnaya politika* [Youth and Youth Policy]. M.: Golos.
- Koehn, S. (2007). “Vopros voprosov”: *pochemu ne stalo Sovetskogo Soyuz*a? [The Cardinal point: Why has the Soviet Union Collapsed?] M.: AIRO-HKHI.
- Koposov, N. E. (2001). *Kak dumayut istoriki* [In the Historians’ View]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kotkin, S. (2001). *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000*. Oxford.
- Kovalevskaya, Yu. N. (2014). Perestrojka v obydennom soznanii dal’nevostochnikov: tridcat’ let spustya. [Perestroika as the Everyday Experience (According to the Memorials in the Far East of Russia)]. *Rossiya i ATR*. [Russia and the Pacific], 1, 66–79.
- Levinson, A. G. (2011). 1990-e i 1990-j: sociologicheskie materialy. [1990 and 1990s: Sociological Materials]. In *1990-j: opyt izucheniya nedavnej istorii: Sbornik statej i materialov* [1990: the

- Experience of Studying Recent History: A Collection of Articles and Materials] (489–503). M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Muhamedzhanov, M. M. (2008). Komsomol: poslednie desyat' let (1981–1991) [Komsomol: the Last Ten Years (1981–1991)]. Retrieved from http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Mukhamedzhanov_Komsomol
- Piretto, G.-P. (1998). *1961: il sessantotto a Mosca*. Bergamo: Moretti & Vitali.
- Pok de Feliu, R. (2005). *Ehpoha peremen: Rossiya glazami ispanskogo zhurnalista* [The Era of Change: Russia through the Eyes of a Spanish Journalist]. M.: Vremya.
- Portelli, A. (1991). *The Death of Luigi Trastulli and Other Stories: Form and Meaning in Oral History*. Albany, NY.
- Poslednee sovetskoe pokolenie v zhizneopisaniyah ego predstavitelej. YUrij Beschastnyj* (2011). [The Last Soviet Generation in the Biographies of its Representatives. Yuri Beschastnyj]. Krasnodar: Kuban'kino.
- Prohorova, I. D. (2007). Nedavnee proshloe kak vyzov istoriku [The Recent Past as a Challenge to a Historian]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [Russian Studies in Literature], 83, 7–10.
- Raviot, J.-R. (2016). *La civilisation soviétique, de l'URSS à la Russie, de 1917 à nos jours*. Paris: Editeur: Ellipses Marketing.
- Sbornik vospominanij, sostavlennyj A. Yu. Klimenko na osnove interv'yuu, vzyatyh eyu u vypusknikov i prepodavatelej Istoriko-Arhivnogo instituta*. (2018). [A Collection of Memoirs Compiled by A. Yu. Klimenko on the Basis of Her Interviews of the Graduates and Lecturers of the Institute of History and Archives.]. Retrieved from <https://www.rsuh.ru/iai/about/genius/memories-of-institute-of-history-and-archives/>
- Sokoloff, G. (2003). *Metamorphose de la Russie, 1984–2004*. Paris: Editeur: Fayard.
- Tazhidinova, I. G. (2016). Kar'era ili prizvanie: zachem komsomol'skie aktivisty vtoroj poloviny 1980-h gg. postupali na istfak? [Career or Vocation: Why did Komsomol Activists Enter the Department of History]. In *Lichnost'. Obshchestvo. Gosudarstvo. Problemy razvitiya i vzaimodejstviya. Sbornik statej 34 Adlerskih chtenij* [Personality. Society. State. Problems of Development and Interaction. Collection of Articles 34 Adler Readings]. (214–225). Krasnodar: Tradiciya.
- Tazhidinova, I. G., Ufimceva, Yu. A. (2012). Problemy professional'nogo samoopredeleniia vuzovskogo prepodavatel'ia (na materialakh interv'yuu s prepodavatel'iami FISMO) [Problems of Professional Self-determination of a University Teacher (Based on Interviews with FISMO Teachers)]. *Golos minuvshago* [The Voice of the Past], 1, 58–70.
- Veber, A. B. (2005). *Proryv k svobode: o perestrojke dvadcat' let spustya (kriticheskij analiz): Sbornik statej* [Breakthrough to Freedom: on Perestroika Twenty Years after (A Review): Collected Papers]. M.: Al'pina Biznes Buks.
- Yurchak, A. (2006). *Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation*. Princeton, N.J.

Received 05.11.2018

Accepted 19.12.2018

For citation: Tazhidinova I.G. “The Perestroika passion” in the Memories and Fates of the Department of History Graduates (the Classes of 1992 and 1993) at Kuban State University, Based on Their Interviews.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 123–136.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).